

ПЕРСОНАЛЬНО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Асеева К.А., Гаджихмедов Н.Э.

ГОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства» (367008, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Атаева, 5), e-mail: nur1@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» (367025, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, 37), e-mail: nur1@yandex.ru

Личные формы глагола выражают отношение действия к его субъекту и образуют вместе с категориями времени и наклонения предикативные формы глагола. Категория лица в кумыкском глаголе морфологически характеризуется следующими признаками: а) наличием соотносительных показателей трех лиц; б) противопоставлением показателей трех лиц в рамках двух чисел – единственного и множественного; в) слитностью в одном формальном показателе с категорией числа в первых двух лицах; г) наличием двух типов личных аффиксов в двух первых лицах — полных и усеченных; д) особым оформлением третьего лица (отдельное выражение категории числа и генетически неличный характер показателей третьего лица). Полные аффиксы лица, которыми оформляется большинство глагольных форм, генетически восходят к личным местоимениям и внешне похожи на них. Значение лица у глагола может выражаться, как свидетельствует материал кумыкского языка: а) личными аффиксами в составе синтетических глагольных словоформ; б) личными местоимениями, выступающими в функции субъекта, без показателей предикативности; в) одновременным сочетаниями личных местоимений и синтетических глагольных словоформ с показателями лица; г) одновременным сочетанием личных местоимений и аналитических глагольных словоформ. Значение персональности морфологически выражается в тексте не только глагольными формами лица, но и личными субстантивами, имеющими непосредственное отношение к субъекту, прилагательными, числительными, наречиями, предикативами и послелогом. Думается, что в языках различных типологий можно обнаружить универсальные смыслы, связанные с переносным, расширительным употреблением личных форм глагола.

Ключевые слова: глагол, личные формы, категория лица, категория персональности, именная категория сказуемости, кумыкский язык, тюркские языки.

PERSONAL AND STATUTE MEANING OF FINITE FORMS OF THE VERB IN KUMYK LANGUAGE

Asevova K.A., Gadzhiahmedov N.E.

Dagestan State Institute of National Economy: 367008, Republic of Dagestan, Makhachkala, Atayeva str., 5, e-mail: nur1@yandex.ru

Dagestan State University: 367025, Republic of Dagestan, the city of Makhachkala, 37, Gadzhieva str., e-mail: nur1@yandex.ru

Finite forms of the verb express the relation of the action to its Subject and form the predicative forms of the verb with categories of tense and mood. The category of person in Kumyk verb is morphologically characterized with the following signs: a) the existence of correlative indexes of three persons; b) the opposition of the indexes of three persons within two numbers – singular and plural; c) the unity in one formal indicator with a category of number in the first two persons; d) the presence of two types of personal affixes in the first two persons – full and truncated; e) the special formation of the third person (a separate expression of the category of number and genetically impersonal character of the indexes of the third person). Full affixes of the person attaching the majority of the verb forms genetically go back to personal pronouns and resemble them. The meaning of the person of the verb can be expressed as evidenced by the Kumyk language material, with: a) personal affixes as a part of synthetic verbal forms; b) personal pronouns in the function of the Subject, without any indexes of predicativity; c) simultaneous combination of personal pronouns and synthetic verbal forms with the indexes of the person; d) simultaneous combination of personal pronouns and analytical verbal forms. The meaning of personality morphologically is expressed in text not only with verbal forms of person, but also with personal substantives, directly relating to the Subject, adjectives, numerals, adverbs, predicatives and postpositions. It seems that the languages of different typologies can contain the universal meaning, connected with the figurative use of finite forms of the verb.

Keywords: verb, finite forms, the category of person, the category of personality, nominal category of predicativity, Kumyk language, Turkic languages.

Актуальность темы исследования обусловлена существующей в современной лингвистической тюркологии необходимостью системно-функционального описания грамматических категорий, особенности которых проявляются в определенных контекстуально-ситуативных условиях. В этом плане несомненный лингвистический интерес представляет исследование категории персональности на материале современного кумыкского языка

Целью данной работы является выявление специфики средств выражения персональности в личных формах глагола и особенностей их функционирования в произведениях современных кумыкских авторов.

Научная новизна состоит в том, что в ней впервые предпринято комплексное исследование языковых средств выражения персонально-статусных значений в личных формах кумыкского глагола.

В соответствии с целью работы в ней были использованы следующие **методы** исследования: описательно-аналитический метод, метод наблюдения, сопоставления, а также контекстуальный и интерпретационный методы.

Результаты исследования и их обсуждение.

Личные формы глагола выражают отношение действия к его субъекту и образуют вместе с категориями времени и наклонения предикативные формы глагола. В качестве конкретных значений этого общеграмматического значения выступают адресант сообщения (говорящий), адресат сообщения (слушающий) и объект сообщения (лицо, находящееся вне ситуации диалога, а также любой предмет окружающей обстановки или объективного мира вообще).

Категория лица в глаголе морфологически характеризуется следующими признаками:

а) наличием соотносительных показателей трех лиц (говорящий, собеседник и «третья сторона» — лицо, находящееся вне ситуации диалога, а также любой предмет окружающей обстановки или объективного мира вообще);

б) противопоставлением показателей трех лиц в рамках двух чисел – единственного и множественного;

в) слитностью в одном формальном показателе с категорией числа в первых двух лицах;

г) наличием двух типов личных аффиксов в двух первых лицах — полных и усеченных [1, с. 235-239; 13, с. 16-21], хотя некоторые ученые выделяют и три типа личных аффиксов – полный, усеченный и смешанный типы [10, с. 170-172];

д) особым оформлением третьего лица (отдельное выражение категории числа и генетически неличный характер показателей третьего лица).

Характер морфологических показателей лица и особенности их связи с основной времени или наклонения отражают собою свойства конечных форм глагола. Вопрос о характере конечных форм глагола в тюркских языках имеет принципиальное теоретическое значение. Личные формы глагола в кумыкском языке, как и в большинстве тюркских языков, характеризуются наличием двух типов аффиксов в двух первых лицах — полных и усеченных. Полные аффиксы лица, которыми оформляется большинство глагольных форм, генетически восходят к личным местоимениям и внешне похожи на них. В кумыкском языке представлены два типа личных аффиксов:

1. Синтетические и аналитические формы с полными аффиксами лица, которые делятся на две подгруппы:

а) формы, имеющие деепричастную основу. К этой группе относятся грамматические формы настоящего-будущего и настоящего процессуального времени, будущего категорического и некатегорического времени индикатива, а также формы долженствовательного наклонения: *бара-ман* «я иду», *бара-сан* «ты идешь», *бармакъда-ман* «я в процессе хождения», *баражакъ-ман* «я пойду», *баражакъ-сан* «ты пойдешь», *бармалы-ман* «я должен пойти», *бармалы-сан* «ты должен пойти». Сюда же относится диалектная форма прошедшего времени на *-ып*, которая используется в кайтакском диалекте кумыкского языка (*алипман* «я взял», *алипсан* «ты взял» и др.);

б) формы, имеющие причастную основу. К данной группе относится форма прошедшего перфективного времени: *алгъанман* «я взял», *алгъансан* «ты взял», *алгъанбыз* «мы взяли», *алгъансыз* «вы взяли». В формах, имеющих причастную и деепричастную основы, аффиксы полностью совпадают с личными местоимениями, к которым они генетически восходят.

2. Формы с усеченными аффиксами лица, но не с инфинитными основами времени или наклонения. В индикативе это форма прошедшего категорического времени, все аналитические формы с недостаточным глаголом *эди*. В ирреальных наклонениях кумыкского глагола усеченные аффиксы лица представлены в условном, сослагательном и уступительном наклонениях глагола. Эти показатели лица подверглись значительным изменениям. Показатели категорий лица в парадигмах упомянутых форм времени имеют следующий вид:

а) в синтетических формах единственного числа: *гелди-м* «я пришел», *гелди-нг* «ты пришел», *гелди* «он пришел», *гелдик* «мы пришли», *гелдигиз* «вы пришли», *гелсе-м* «если в

приду», *гелсе-нг* «если ты придешь», *гелсе-к* «если мы придем», *гелсе-гиз* «если вы придете» и т.д.

б) в аналитических формах с недостаточным глаголом *эди*: *гелген эди-м* «я приходил», *гелген эди-нг* «ты приходил», *гелген эди-к* «мы приходили», *гелген эди-гиз* «вы приходили», *гелген эдилер* «они приходили» и т.п.

Есть необходимость более подробно рассмотреть отношение лица и числа или позицию лица в системе грамматических категорий. Неоспорима корреляция между категориями лица и числа. Наибольший интерес представляет собой отношение между единственным числом и множественным числом. Во многих языках множественное число местоимений не совпадает с множественным числом существительных.

Исходным пунктом является определение лица, основные компоненты которого представляют три лица, которым соответствуют грамматические лица. Данные грамматические лица составляют грамматическую категорию лица, которая является ядром категории персональности.

В лексематическом аспекте первичное значение имеет образование классов существительных, прилагательных, глаголов и т.д., которые ввиду их семантики селекционируют определённые типы субъектов. Например, в кумыкском языке глагол *яза* «пишет», селекционирует человеческие субъекты, глагол *геле* «идет» человеческие и нечеловеческие, тогда как *ява* (*янгур*) «капает (*дождь*)», ввиду его несовместимости с признаком человек, обнаруживает дефектность парадигмы.

Личное местоимение «не имеет самостоятельного значения, ...значение местоимений, прежде всего относительное...» [15, с. 150]. А.М. Пешковский видел в личном местоимении «значение чисто грамматическое» [12, с. 155]. В.В. Виноградов рассматривал личные местоимения как слова, которые «обременены чисто формальными функциями, ослабляющими их лексическую знаменательность и синтаксическую самостоятельность...». Но при этом все грамматисты относили личные местоимения не к служебным словам, лишенным вещественного содержания, а к знаменательным словам, имеющим самостоятельное значение [16, с. 82].

Местоимения *сен* «ты», как и местоимения *мен* «я», привязано к ситуации диалогического дискурса, предполагающей смену ролями. Э. Бенвенист подчеркивает, что *мен* «я» употребляется только в обращении к тому, кто предстает как *сен* «ты» [2, с. 294]. Референт лексемы *сен* «ты» – это адресат устного или письменного высказывания.

Личные формы в тюркских языках – это компоненты формоизменительных механизмов категории принадлежности, именной и глагольной категории сказуемости. В принципе (если выйти за пределы тюркских языков) переменная морфологическая

репрезентация участников какого-либо отношения, выступающих в нем в одном и том же амплуа, может осуществляться посредством иных языковых значений, например, значениями рода и числа, как представление субъекта в русском прошедшем времени: *читал, читала, читало* (я, ты, он, она, оно), *читали* (мы, вы, они). Отличительной чертой тюркских языков следует считать то, что в них формоизменение (там, где оно имеется) носит личный характер даже в формах прошедших времен.

Значения лица у глагола могут выражаться, как свидетельствует материал кумыкского языка:

а) личными аффиксами в составе синтетических глагольных словоформ: *яза-ман* «пищу», *яза-быз* «пишем», *яза-сан* «пишешь», *яза-сыз* «пишете», *яза-* «пишет», *яза-лар* «пишут». *Бийбулат сораса, мен уйге гетди деп айтарсан* (А. Къурбанов). «Если Бийболат спросит, скажи, что я ушел домой»;

б) личными местоимениями, выступающими в функции субъекта, без показателей предикативности: *Сен бий, мен бий, атгъа бичен ким салыр?* (Поговорка). «Ты князь, я князь, кто накормит коня?»;

в) одновременным сочетаниями личных местоимений и синтетических глагольных словоформ с показателями лица: *мен яздым* «я написал», *сен яздынг* «ты написал», *о язды-* «он написал», *биз язабыз* «мы пишем», *сиз язасыз* «вы пишете», *олар яза-* «они пишут». *Тек мен жиелекни кёп сюемен.* (А. Салаватов). «Однако я очень люблю землянику»;

г) одновременным сочетанием личных местоимений и аналитических глагольных словоформ: *Биз чи сени участкангны чыгъарып алмагъа токъташгъанбыз.* (И. Керимов). «Мы решили забрать твой участок».

Характерной особенностью аффиксов лица в этих парадигмах является такое их свойство, которое можно назвать «отдельностью» показателей категории лица. С одной стороны, предикативная функция — лишь одна из функций причастий, и в других своих функциях они выступают без названных аффиксов лица. С другой стороны, личные аффиксы свойственны также и именному сказуемому: *язывчуман* «я писатель», *язывчусан* «ты писатель», *язывчу* «он писатель» и т.д. Этими двумя обстоятельствами и обусловлено свойство «отдельности» личных показателей, отсутствие у них тесного слияния с основами времени и склонения, как это имеет место в глагольных формах с усеченными аффиксами лица [10, с. 170].

Аффикс сказуемости в именных и глагольных формах редко может быть опущен: *Мен айт, ол айт, эришип йибердик* (И. Ибрагимов). «Я говорил, он говорил, началась ссора»; *Сен бий, мен бий, атгъа бичен ким салыр* (Погов.). «Ты господин, я господин, а кто покормит лошадь». Формы с опущенным сказуемым обычно используются в разговорной речи.

Именное предикативное высказывание без личных аффиксов встречается и в поэтическом дискурсе: *Мен терекмен, дослар, сиз – тамурлары* (А. Аджиев). «Я дерево, друзья, а вы его корни». В данном бессоюзном сложном предложении во второй части именной предикат, выражающий понятие, отражающее предмет, не оформлен аффиксом предикативности 2-го лица множественного числа *-сыз*. «Все же и это имя, лишенное показателя второго лица множественного числа, выступает в функции предиката 2-го лица множественного числа *тамурлары* «вы его корни», так как имя воспринимается в его реальном бытии и выражает состояние предмета, представленного значением второго лица» [4, с. 118-119.].

В прилагательных, оформленных аффиксами лица, предмет, воспринятый как субъект, выступает носителем признака, представленного в качестве предиката [11, с. 128]: *Сен уллумусан, мен уллуманмы?* (Шихамматкъади). «Ты старше или я старше?».

Личные аффиксы присоединяются вторичным наречиям, образованным от указательных местоимений *бу* «это», *о* «то»: *Мен мундаман, сен онда, къачан болур бизин той* (Фолькл.). «Я здесь, а ты там, когда же будет наша свадьба?».

Показатель именного отрицания *тюгюл* «не» также принимает аффиксы лица: *Сен жап-жагылсен, мен де къарт тюгюлмен* (И. Керимов) «Ты очень молодой, я тоже не старый».

Личные аффиксы, присоединяясь к числительным, выражают количественные предикативные отношения: *Биз азбыз, гьар ёлдашгъа онар патрон къалгъан* (А. Къурбанов). «Нас мало, каждому осталось по десять патронов».

Предикатив *дюр* «да», часто используются с личными аффиксами и выступают в роли предиката: *Комсомолну члени де дюрмен* (М. Абуков) «Я тоже член комсомола».

Реже личные аффиксы употребляются с послелогоми *булан* «с» и *йимик* «как». Оба эти послелога в сочетании с именами выполняют предикативную функцию: *Кёбюсю орамда яшлар буланман* (М. Ягъияев). «В основном я бываю на улице с детьми»; *Бир къарангы ёл йимиксен* (М. Халилов). «Ты будто темная дорога».

В именных предикативных послеложных структурах личные аффиксы присоединяются к служебному слову: *Ят гиши тюгюл эдим, шунча къара гёрмеге* (Фолькл.). «Я же не чужой человек, чтобы до такой степени ненавидеть меня».

В именных предикативных сочетаниях аффикс лица присоединяется к модальным словам: *Гьей сен, магъа тигишли зат тюгюл экенсен* (Н. Батырмурзаев). «Эй, ты, оказывается, ты не достоин меня».

В сфере коммуникативной персональности кумыкский язык также характеризуется рядом особенностей, отличающих его от русского языка. Одна из них – это иной, чем в

русском языке способ избавиться от дублирующих друг друга средств выражения персональности в глагольных формах прошедшего времени. Если русский язык избегает дублирования путем отказа от личных окончаний глаголов (*я вышла, ты вышла*), то кумыкский язык, сохранив глагольное окончание, не отказался и от личных местоимений (*чыкъдым//мен чыкъдым* «я вышел», *чыкъдынг//сен чыкъдынг* «ты вышел»).

Специализированным средством, определяющим позицию неучастника относительно говорящего, является местоимение *ол* «он». В глагольных и именных предикатах третье лицо выражается нулевым аффиксом. Однако местоимение *ол* «он» в тексте функционирует как вторичное средство, и его основная функция анафорическая. В качестве первичных средств, называющих неучастника речевого акта, выступают личные имена, выполняющие номинативную функцию.

В различных контекстуально-ситуативных условиях личные формы глагола помимо указанных выше категориальных значений выражают ряд окказиональных значений, которые обогащают семантическую сущность данных морфологических форм дополнительными признаками, взаимодействующими с основными. Такое нестереотипное использование финитных форм глагола в некоторых случаях более уместно, чем стандартное употребление: «оно не только не теряет и не видоизменяет как-либо своего значения, а напротив, выступает в своем основном значении особенно ярко, и яркость эта создается как раз противоречием между ней и реальными условиями речи, подобно тому, как смех на похоронах или плач на балу будут восприняты резче, чем при других обстоятельствах» [12, с. 182]. В настоящей статье мы обратим внимание на наиболее частотные случаи переносного употребления личных форм глагола в кумыкском языке, которое «служит средством более выразительного и динамического изображения событий» [5, с. 33].

В своих философских трудах В. Гумбольдт сформулировал понятие «универсальный компонент» как систему универсальных мыслительных категорий, которые лежат в основе языка и не совпадают с конкретными категориями отдельных языков. Следовательно, универсальный компонент — идеальная система категорий; в каждом языке на эту идеальную систему накладываются национальные специфические смысловые элементы, что и приводит к существенным различиям в представлении одного и того же значения в разных языках [9, с. 69]. Очевидно, что «переносное, расширительное употребление личных форм глагола входит в универсальный компонент, т. е. представляет собой внутреннее глубинное явление языков, в том числе русского и кумыкского языков» [6, с. 139- 140].

Замена первого лица единственного числа первым лицом множественного числа носит универсальный характер. Такое транспозитивное употребление формы первого лица множественного числа свойственно научному и публицистическому стилям. При этом

выражается оттенок скромности или, наоборот, величия при указании на говорящего в авторском изложении. *Бу масъаланы биз гележек лекцияда янгыдан гѣтережекбиз.* «Эту проблему мы обсудим на следующей лекции». На наш взгляд, данная транспозиция личных форм – результат влияния русского языка.

От такого «авторского» употребления следует отличать использование форм первого лица множественного числа для обозначения социально-речевого интердействия, в котором адресанту приписывается роль производителя и отправителя действия, а адресату — получателя (реципиента) и обычно реализатора интердействия. «Субъект как бы привлекает адресата к участию в анализе, в развитии мысли. Используется в докладах и лекциях, в учебниках и пособиях» [6, с. 140]: *Гъали заман категориясына къарайыкъ.* «Теперь рассмотрим (с вами вместе) категорию времени». При таком использовании формы первого лица множественного числа в контексте могут употребляться глагольные частицы *гел*, *гелигиз* «давай, давайте», которые усиливают семантический оттенок совместности действия.

Первое лицо множественного числа может обозначать действия другого лица или лиц участия адресанта. Это действие представляется так, будто говорящий к нему причастен. При этом выражается оттенок обычности, повседневности, участия: *Завотда ишлеп турабыз* (И. Ибрагъимов) «Работаем на заводе».

Как видим, сравнительно большими возможностями в данном случае обладает русский язык. Сказанное подтверждает тот факт, что конструкция *Как мы себя чувствуем? = Как ты себя чувствуешь? // Как Вы себя чувствуете* не имеет аналогий не только в кумыкском языке, но и во многих других языках, например, в арабском и турецком, в которых для передачи данного содержания личная форма глагола используется в своем категориальном значении. Такие конструкции характерны для разговорной речи при обращении к детям, больным и очень близким людям.

Существуют контексты или ситуации речи, в которых форма второго лица указывает на обобщенное лицо: *Огъар нечакъы айтсанг да, пайда ёкъ* (И. Ибрагъимов). «Сколько бы ему ни говорил, пользы нет». «В подобных случаях обычно выражается итеративное, цикличное действие» [4, с. 300]. Значение обобщенного лица используется как стилистически окрашенное средство передачи обобщенного действия или состояния: действие не относится к конкретному собеседнику – подразумевается всякое, любое лицо [3, с. 144]. Действие говорящего лица выставляется как типичное при подобных обстоятельствах для многих и для всех.

Форма второго лица множественного числа употребляется при вежливом обращении к одному лицу (*сиз* вместо *сен*). В данном случае социально значимым оказывается способ обозначения участников коммуникации, то есть то, какие номинации говорящий выбирает

для обозначения своего собеседника – «ты»-номинации или «вы»-номинации. Это явление в кумыкском языке следует рассматривать как позднее, появившееся в результате влияния русского языка на кумыкский язык.

Таким образом, транспозитивное употребление личных форм глагола в русском и кумыкском языках обнаруживает «межъязыковые соответствия частичного тождества». Эти конструкции в сопоставляемых языках передают общее глубинное значение лица, но отличаются друг от друга специфическими национальными элементами, которые наслаиваются на общее значение. При транспозитивном употреблении личных форм глагола важна «позиция говорящего, его коммуникативные интенции, способы их языкового выражения, оценка ситуаций с позиций адресанта и адресата, а также стратегии и тактики общения для достижения коммуникативной (иллокутивной) согласованности в деятельности говорящих. В языках различных типологий можно обнаружить универсальные смыслы, связанные с переносным, расширительным употреблением личных форм глагола» [6, с. 141-142]

Значение персональности морфологически выражается в тексте не только глагольными формами лица, но и личными субстантивами, имеющими непосредственное отношение к субъекту.

Входящие в поле персональности языковые средства неоднородны, поэтому их можно разделить на две сферы: сферу коммуникативно-ориентированного лица имеющую непосредственный выход в речевой акт и сферу коммуникативно-неориентированного лица, в которой не прослеживается прямая связь с позицией говорящего и структурой речевого акта.

Коммуникативно-ориентированное лицо представляет участников речевого акта – говорящего и адресата, которые обозначаются дейктическими средствами. К ним относятся личные местоимения, для которых функция указания на лицо и его коммуникативная позиция является первичной. Коррелирующие с ними личные глагольные формы 1-го и 2-го лица выражают отнесенность действия к субъекту в соответствующих коммуникативных позициях: говорящему и адресату: *мен язаман* «я пишу», *сен язасан* «ты пишешь», *биз язабыз* «мы пишем», *сиз язасыз* «вы пишете». Ср.: рус. Вечно с тобой опаздываешь (вместо: опаздываю). кум.: *Сени булан гьар заман геч боласан* (вместо: *боламан*). В подобных ситуациях выражается обычно итеративное, цикличное действие. Транспозиция *мен* «я» адресанта действия в *сен* «ты» адресата используется как стилистически окрашенное средство передачи обобщенного действия или состояния: «действие не относится к конкретному собеседнику — подразумевается всякое, любое лицо» [3, с.144]. Действие говорящего выставляется как типичное при подобных обстоятельствах для многих и для всех

[7, с.167]. Например: рус.: *Что поделаешь?* кум.: *Не этерсен?* (в значении ничего не поделаешь).

Форма второго лица множественного числа употребляется при вежливом обращении к одному лицу (*вы* вместо *ты*). В данном случае социально значимым оказывается способ обозначения участников коммуникации, т. е. то, какие номинации говорящий выбирает для обозначения своего собеседника — «ты»-номинации или «вы»-номинации. Ср.: рус.: *Вы поедете с нами?* вместо: *Ты поедешь с нами?* кум.: *Сиз бизин булан гелемисиз?* вместо: *Сен бизин булан гелемисен?*

Спецификой транспозитивного употребления личных форм русского глагола является употребление третьего лица множественного числа вместо первого лица единственного числа. Например: *Тебе же говорят!* Данная конструкция снижает степень вежливости и одновременно поднимает степень категоричности и официальности: говорящий отождествляет себя с референтной группой авторитетных членов общества, например, родитель ребенку — *Кому говорят*, кассир покупателю — *Вам же говорят, что билетов нет* [Формановская, с. 47]. Подобная семантика в кумыкском языке передается глаголом третьего лица единственного числа: *Сагъа айта чы!* = *Тебе же говорят!*

Примечательной особенностью кумыкского и русского языков является транспозитивное употребление третьего лица единственного числа во втором лице единственного числа (*он, она* вместо *ты*). Ср.: рус.: *А он стоит и улыбается* вместо: *Ты стоишь и улыбаешься*. кум.: *Айт, айтма — бир де башгъалыгъы ёкъ* (А. Къурбанов) вместо: *Айтсанг да, айтмасанг да, бир де башгъалыгъы ёкъ*. «Скажешь ему или не скажешь, никакой разницы». Семантический эффект данной конструкции состоит в том, что говорящий как бы обращается к поддержке или сочувствию окружающих.

Коммуникативно неориентированная сфера связана с неучастником речевого акта, т.е. третьим компонентом внеязыковой ситуации: *о//ол* «он, она, оно»; *олар* «они». Третье лицо в тюркских языках выражается нулевым показателем лица: *яза* «пишет», *геле* «идет».

Заключение

Кроме личных местоимений, обозначающих лицо относительно акта речи, и личных глагольных форм, выражающих отнесенность действия, состояния к личному субъекту, в сферу персональности втягиваются личные субстантивы, обозначающие «третьи лица» и характеризующие человека в каком-либо аспекте его бытия как носителя определенных функций.

Именные и глагольные финитные формы выполняют только функцию именного и глагольного сказуемого соответственно. Они выражают значение персональности морфологическим способом — личными аффиксами, входящими в состав данной

словоформы. Но именно изменения глагола по категориям лица и числа играют в тюркских языках решающую роль, образуя фундамент финитной парадигмы, в частности, и глагольной макропарадигмы в целом. В агглютинативных языках формальные показатели лица, как правило, специфицированы по числам. Тем самым и здесь категория лица, и категория числа как бы «сплавлены» в единую категорию лица-числа. С коммуникативной точки зрения каждая грамматическая форма сказуемости «всегда участвует в передаче суждения, т.е. мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру: субъект (предмет мысли) – предикат (сообщение о предмете мысли)» [8, с. 98].

Список литературы

1. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М., 1979. – 273 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 360 с.
3. Бондарко, А.В., Буланин, Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – 192 с.
4. Гаджихмедов, Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. – Махачкала: Юпитер, 2000. – 382 с.
5. Гаджихмедов, Н.Э. Транспозиция и релятивное употребление настоящего-будущего времени кумыкского индикатива // Ученые записки ЛГУ, № 412, серия востоковедческих наук, вып.25. Востоковедение, 9. Филологические исследования. – Л., 1984. – С. 33-42.
6. Гаджихмедов, Н.Э. Транспозиция личных форм глагола в русском и кумыкском языках // Русский язык и языки народов Дагестана. Социоллингвистика. Типология. – Махачкала, 1991. – С. 139-142.
7. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. – 408 с.
8. Гузев, В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 164 с.
9. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
10. Иванов, С.Н. Родословное древо тюрков Абу-Л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). – Ташкент. Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1969. – 204 с.
11. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 386 с.
12. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М., 1956. – С. 209.
13. Севортян, Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1962. – 644 с.

14. Формановская, Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. – С. 71-76.
15. Шахматов, А.А. Историческая морфология русского языка. – М., 1957. – 401 с.
16. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. – 424 с.

Рецензенты:

Самедов Д.С., д.фил.н., проф., зав. кафедрой русского языка ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Керимов К.Р., д.фил.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.